

кавказский, июнь 1846 - май 1851 г., крымский, лето 1850 г. Одесса, Крым, Кавказ - не так давно все они фигурировали в поэтическом творчестве Пушкина. Яков Полонский также переживает восхитительные минуты безоглядной страсти на фоне экзотической природы Южного бережья и величия Закавказья, которые явились для Полонского прообразом гармонии Вселенной ("Не мои ли страсти", "Ночь", 1850, "На пути из-за Кавказа" и др.).

Лирика Полонского стала прекрасным реципиентом тематики и эмоционального настроения пушкинской романтической поэзии. Как следствие, искренние чувства Я. Полонского, включенные в рамки условной поэтико-романтической формулы, способствовали созданию образа поэта-романтика, отделенного от своей биографической личности.

Н. В. Барковская
Екатеринбург

“ПЕТЕРБУРГСКИЕ ЖАНРЫ” В ТВОРЧЕСТВЕ ГЕОРГИЯ ИВАНОВА

Дискретность и непрерывность в истории литературы особенно очевидны при обращении к обширным структурно-семантическим единствам. В настоящее время выявлено и описано В. Н. Топоровым одно такое “поле” - Петербургский текст в русской литературе XVIII-XIX веков. По мнению исследователя, этот синтетический сверхтекст развивает особый миф о Петербурге, у истоков которого стоят Пушкин и Гоголь, а завершителями явились акмеисты. Петербург воспринимался как олицетворение творческой мощи, созидательной энергии, государственной славы России. С другой стороны, Петербург считался проклятым, гиблым местом, умышленным, фантастическим городом (в противоположность “естественной, живой” Москве).

Эволюция образа Петербурга в творчестве Г. Иванова показывает, что эти антитетичные тенденции могут переплетаться. Более того, само разграничение классицизма, романтизма, реализма и модернизма может оказаться весьма условным в художественной системе писателя.

Ранние, образцово-акмеистские стихотворения Г. Иванова созерцательны (тяготеют к бессубъектности), ориентированы на жанры ведуты (вид определенного места) и экфразиса (описание произведения живописи или скульптуры). “Изнутри” Серебряного века Петербург видится Г. Иванову как некая целостность, уже вневременно

(панхронно) существующая в мире искусства (“К памятнику”, “Опять на площади Дворцовой”). Импозантность и торжественность, “ампириность” дворцово-парковых ансамблей в изображении Г. Иванова заставляют вспомнить эпоху русского классицизма.

В стихотворении 1914 года “Петроградские волшебства” “высокий штиль” екатерининского века, торжественность оды лишь просвечивают сквозь меланхоличность элегии. Аллюзии на романтические произведения Пушкина 1820-х годов выражают грусть по поводу того, что давняя слава города оживает лишь в чудесном видении.

В рассказах 1920-х годов появляется установка автора на анализ и рефлексию. Рассказчик наблюдает отдельные фрагменты сумбурной эпохи, причудливые изломы судеб, калейдоскоп непредсказуемых “петербургских встреч” (“Прекрасный принц”) и “петербургских случаев” (“Карменсита”).

В 1928 году была написана книга “полубеллетристических фельетонов” “Петербургские зимы”. До сих пор вопрос о жанре книги остается открытым. Занимая позицию эпической внеаходимости по отношению к Серебряному веку (при сохранении лиризма воспоминаний), Г. Иванов из штрихов и осколков создает теперь целостную картину “идушего ко дну” Петербурга, обнаруживая в странности и нелепости - свою закономерность.

Актуализируя традиции физиологического очерка “натуральной школы” (прежде всего, В. Белинского и Н. Некрасова), с документальной точностью Г. Иванов рисует собирательный портрет петербургских поэтов начала века. В духе мифологизма символистов Петербург показан в книге как “страшный мир”, “пляски смерти”, дьявольский “маскарад”, “провокация”. Естественны аллюзии на “петербургские повести” Н. Гоголя и “петербургскую поэму” Ф. Достоевского (“Двойник”). Однако Г. Иванов дает конкретно-историческую реализацию вневременных символистских мифологем. Установка рассказчика в книге Г. Иванова напоминает желание персонажей из рассказа Достоевского “Бобок”: “... для смеху будем не лгать... Заголимся и обнажимся!” Сначала показаны “бесы”: сумасшедшие, оборотни-двурушники, маски-личины, мертвецы. Затем даны портреты “мучеников” эпохи: Блок, Гумилев (“Лучших поэтов убили большевики”). Наконец, уже в 1952 году были написаны две последние главы, где надежда на будущее русской культуры связана с именами Маяковского и Есенина. Россия проходит страсти, муки, которыми должна искупить грехи, чтобы исцелиться физически и

духовно. Есенин назван "типичным представителем эпохи", т.к. он особенно наглядно продемонстрировал и падение России, и ее стремление возродиться.

Г. Иванов не противопоставляет символистов, акмеистов, футуристов - и не только потому, что это люди одной эпохи, но и потому, что всех их уже нет. "Петербургские зимы" - не только очерки, не только миф, но и некролог всему Серебряному веку. Все главы связует тема смерти, она замыкает композиционное и смысловое кольцо, делая возможным показ мифологической картины Петербурга средствами реалистической типизации, при использовании приемов "семантической поэтики".

Позднее в лирике Г. Иванова образ Петербурга будет возникать в жанре эпитафии ("Январский день. На берегу Невы..."), разыгрывая тему "человек перед лицом смерти" в ключе, характерном для экзистенциализма.

М. Л. Бедрикова
Магнитогорск

К ВОПРОСУ О ТРАНСФОРМАЦИИ "ДЕРЕВЕНСКОЙ ПРОЗЫ" В УСЛОВИЯХ ПОСТМОДЕРНИСТСКОЙ СИТУАЦИИ (1980-1990-е годы)

Судьба "деревенской" прозы, трансформация ее как течения русской литературы является актуальной проблемой в критике конца XX века. Прогнозы пессимистичны: деревенская литература - "последняя великая русская литературная школа" (В. Курбатов); налицо кризис "Деревенской прозы" и ее деградация, не только идеологическая (в сторону националистического фундаментализма), но и эстетическая (в сторону прямолинейной публицистики и соцреалистического канона) (М. Липовецкий). Представляется преждевременным подведение последней черты под деревенской прозой. "Прямолинейно публицистическими" можно назвать рассказы В. Распутина 1994-95-х годов (за исключением "По-соседски", "В ту же землю" и некоторых других). Далеко не исчерпан художественный потенциал "деревенщиков" В. Астафьева, Б. Екимова.

Рассмотрим некоторые аспекты воплощения темы деревни в русской прозе конца 1980-х годов. Необычна общность в отражении данной темы писателями, относящимися к разным направлениям. В рассказе "Людочка" В. Астафьева, биографически связанного с "деревенской прозой", и постмодернистском произведении "Новые